

РАЗВИТИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕЧЕВОГО АКТА ПРОМИСИВА В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ XVI-XXI ВВ.

Данная статья описывает развитие прагматической системы речевого акта промисива в диахроническом аспекте. Называются элементы, подвергающиеся варьированию, и определяется инвариант для данного типа речевых актов. Анализируются особенности и частотность употребления прямой и косвенной реализации РА промисивов в период с XVI по XXI век. Детально представлено историческое варьирование прагмасемантических разновидностей РА промисива. Локутивный аспект признается исторической переменной, в то время как иллокуция РА промисива оказывается его инвариантом.

Ключевые слова: речевой акт, промисив, обещание, иллокутивная сила, инвариант, исторические переменные, перформативный глагол.

Дана стаття описує розвиток прагмасемантичної системи мовленнєвого акту промисиву в діахронічному аспекті. Називаються елементи, які підлягають варіюванню, та визначається інваріант для даного типу мовленнєвих актів. Анализуються особливості та частотність вживаності прямої та непрямой реалізації МА промисивів у період з XVI по XXI століття. Детально представлено історичне варіювання прагмасемантичних різновидів МА промисиву. Локутивний аспект визначається історичною змінною, у той же час іллокуція МА промисиву виявляється його інваріантом.

Ключові слова: мовленнєвий акт, промисив, обіцянка, іллокутивна сила, інваріант, історичні змінні, перформативне дієслово.

The article under consideration describes the diachronic development of semantic and pragmatic system of promissive speech act. The modifying elements and the invariant of this kind of speech act are determined. The peculiarities and frequency of use of direct and indirect promissive speech acts within the limits of XVI-XXI centuries are analyzed. The historical variation of semantic and pragmatic kinds of promissive speech acts is given in detail. Locution of the speech act is considered to be variable element while its illocution is presented as invariant.

Key words: speech act, promissive, promise, illocutionary force, invariant, historical variable elements, performative verb.

В русле системо-деятельностного подхода и когнитивно-коммуникативной парадигмы в языкознании, описанной в работах Е. С. Кубряковой, И. П. Сусова, И. С. Шевченко и др. [9; 11; 15], изучаются постоянные и переменные элементы [8, с. 5–9] речевого акта (РА) промисива в рамках англоязычного дискурса XVI-XX вв. На современном этапе развития лингвистическая прагматика углубляет изучение речевых феноменов, используя методологическую базу когнитивной лингвистики. Описание отдельно взятых РА является фрагментарным, определяя актуальность данного исследования. Именно поэтому целью данного исследования является определение исторических постоянных и переменных РА промисив. Для этого предстоит решить следующие задачи: проследить за изменениями локутивного и иллокутивного аспектов

РА промисива в английском дискурсе на протяжении XVI – XX вв.; проанализировать систему перформативных глаголов с семантикой обещания и маркеров обещания в простых и сложных РА промисивах и их прагмасемантических разновидностях.

Исследуя РА промисива в исторической перспективе и склоняясь к мнению, что РА имеет трехуровневую структуру [2, с. 50–54; 5, с. 271–274; 10], отметим, что варьированию подвергаются прежде всего его локутивная и в меньшей степени перлокутивная составляющая. В русле данного исследования перлокутивный эффект выносится за рамки РА промисива и детально не рассматривается. В плане иллокутивных характеристик данный РА представляет собой устойчивое явление. Это объясняется тем фактом, что обещание как феномен человеческой картины мира и коммуникации отличается однородностью трактовки

и неизменностью от эпохи к эпохе, от культуры к культуре [1; 7].

Динамические процессы в вербальной реализации РА промисива рассматриваются как результат развития языка вследствие изменений коммуникативных потребностей общества [14, с. 3–9]. Это обусловлено первичностью целей и мотивов адресанта по отношению к создаваемому им дискурсу. Вследствие изменений исторических реалий социума изменяется и его дискурс [9; 15]. То есть особенности коммуникативного поведения личности зависят от коммуникативного сознания той лингвокультурной общности, к которой личность принадлежит. В зависимости от исторической эпохи элементы дискурса организуются коммуникантами в соответствии с существующими в отдельный период нормами и требованиями построения коммуникации. Это и является непосредственной причиной диахронических отличий в структуре, лексическом наполнении, реализации РА промисива в ту или иную историческую эпоху.

Историческое варьирование простых РА промисивов: по нашим данным, иллокутивная сила РА промисива и его базовая формула:

I PROMISE I'LL DO SMT. BENEFICIAL FOR YOU [13] являются инвариантом. Исторические изменения простых РА промисивов затрагивают перформативные глаголы обещания и прагматические маркеры данных РА [3].

Существенно варьируется набор и частотность перформативных глаголов, выражающих обещание. Ряд глаголов – *parole, bode, vouchsafe, protest, covenant, verify, bail* – выходят из употребления в XVIII–XXI вв. Несколько глаголов – *troth, boast, warrant, plight* – используются крайне редко и могут быть отнесены к устаревающим формам. Глагол *guarantee*, наоборот, расширил сферу применения. Однако в целом система перформативных глаголов с семантикой обещания характеризуется утрачиванием многих элементов за сравнительно короткий промежуток времени – 5 веков, – и тенденция к оскудению семантики обещания сохраняется.

Прагматические маркеры РА промисива одновременно являются маркерами той или иной исторической эпохи. Так, маркеры *by Jove/ by Jupiter/ by the gods / my troth; I' faith!; 'Sdeath; I own* характерны для английского дискурса XVI–XVII вв. и являются вышедшими из употребления. Данные интенсификаторы иллокутивной силы оперируют понятиями Бог/боги, вера, смерть, доверие. Подобные маркеры обусловлены экстралингвистическими факторами исторической эпохи – таинство веры, набожность, Бог как верховный судья, перед которым мы предстанем после смерти.

Маркеры *by the light that shines; by this good light; let me not breathe if...; I will be burnt else; I'll be sworn; care dwell with me forever (if / when); I'll be bound (for it); so be it* принадлежат английскому дискурсу XVIII вв. Маркеры данной эпохи характеризуются экспрессивностью. Они включают понятия света как символа Рая, огня, проклятия, бед как символов ада, рока, которому человек не в силах противостоять. Данные маркеры тоже несут на себе осязаемый

отпечаток религиозности, но, в отличие от маркеров дискурса более раннего периода, избегают прямой номинации.

Маркеры *I'll die; hang me if; I'll answer; I'm damned if...; I'll eat my hat / dirt/ shoes (if/ when); to be sure; of course; I'm quite in earnest; I tell you* входят в структуру РА промисивов английского дискурса XIX–XXI и являются обиходными. Они коренным образом отличаются по своей семантике от маркеров, описанных выше. Современные маркеры несут в себе элементы антропоцентризма, атеизма и божбы, что обусловлено общим стилем жизни современного общества, но и в них присутствуют такие базовые универсалии, как смерть, проклятье, наказание, честность, доверие и т.п.

Маркеры *by God / by gad / by Heaven(s)/ by the blessed Virgin / by God's death / God's eyes! / by word / by all that's honest; (upon / 'pon / on) my life / soul / honour / head / word / credit / hand (on it); (before/for/'fore) God / Gad / Heaven...; God knows; Heaven bear me witness; (it's as true) as that my name is.../ as I live / as I'm alive / as I stand here; ...believe me / it / this / him...; I believe...; ...depend on me / it / this / him* в равной степени встречаются на протяжении всех пяти изучаемых нами веков английского дискурса. Они апеллируют к вечным ценностям либо к неоспоримым истинам, которые являются константными от эпохи к эпохе: Бог, Рай, Пречистая Дева, жизнь, душа, честь, нерушимое слово, доверие и т. п.

Историческое варьирование косвенных речевых актов промисивов: число косвенно реализованных обещаний возрастает в течение всего анализируемого периода (XVI–XXI вв.), это **87,13 % – 87,89 % – 90,48 % – 92,26 % – 94,64 % – 94,7 %** соответственно. Начиная с XVIII в. наблюдается значительное увеличение процента косвенно реализованных обещаний (в среднем 2 % на век). Возрастание косвенности выражения обещаний за пять столетий составляет более 7,5 %, что являет собой значительный сдвиг в сторону ослабления иллокутивной силы РА промисивов. Исторически это обусловлено переходом от эмоциональности и открытости дискурса XVI–XVII вв. к господству этикета и светского дискурса XVIII в.в, а затем к дискурсу негативной вежливости XIX–XX в., где лицо коммуникантов – высшая ценность, а проявление эмоций является нарушением норм коммуникации [1]. Каждая ступень развития формировала необходимость все большей имплицитности, неимпозитивности и дистанцирования в коммуникации, что и нашло свое языковое выражение.

Для косвенно реализованного РА промисива инвариантом за весь анализируемый период является формула *I'll do smth*. Исторически варьируют также видо-временные формы глаголов, используемые для косвенной реализации РА промисивов. Так, для дискурса XVI–XVII вв. характерна форма *Future Indefinite*, в XVIII в. появляются формы *Present indefinite*, условные предложения и повелительное наклонение. XIX–XXI вв. характеризуются демократичностью форм, прибавляя к указанным выше *Future Continuous, Present Continuous, Present Perfect* формы вопросительных предложений. Пассивный залог,

наоборот, отличается стабильностью употребления при низкой частотности на протяжении всего рассматриваемого периода.

Историческое варьирование сложных речевых актов промисивов: для сложных РА промисивов характерно наличие всех тех изменений, о которых шла речь выше, – изменения в системе перформативных глаголов с семантикой обещания, диахронические особенности маркеров, изменение синтаксической формы реализации РА промисивов и т.д. Обратим внимание на процессы, характерные только для сложных РА и обусловленные наличием в них ≥ 2 иллокутивных сил.

Независимо от исторической эпохи в английском дискурсе присутствуют все три разновидности сложных РА – составные, комплексные и композитные [6, с. 8-11]. Однако основной тенденцией на протяжении пяти анализируемых веков (XVI-XXI вв.) является упрощение синтаксической конструкции высказывания, реализующего РА промисив и сокращения количества добавочных иллокутивных сил. Так, для дискурса XVI в. возможен сложный РА, объединяющий в себе 4 и более иллокутивных силы. Для дискурса XX в. сложный РА промисив несет в себе всего 2 иллокутивных силы. Набор иллокутивных сил, который встречается в сложных РА промисивах, остается неизменным. Наиболее распространенными на протяжении всего анализируемого периода являются следующие формулы (P = РА промисив):

- P + ДЕКЛАРАТИВ / ДЕКЛАРАТИВ + P;
- P + ДИРЕКТИВ / ДИРЕКТИВ + P;
- P + УСЛОВИЕ-ДЕКЛАРАТИВ / УСЛОВИЕ-ДЕКЛАРАТИВ + P;
- P + УСЛОВИЕ-ДИРЕКТИВ / УСЛОВИЕ-ДИРЕКТИВ + P;
- P + P;
- P + ПЕРФОРМАТИВ / ПЕРФОРМАТИВ + P;
- УСЛОВИЕ1 + P + УСЛОВИЕ2 + МЕНАСИВ,

где УСЛОВИЕ1 и УСЛОВИЕ2 несут в себе противоположную семантику и могут быть либо РА директивами, либо РА декларативами.

Меняется в диахронии также процентное соотношение простых и сложных промисивов. С XVI по XXI вв. мы располагаем следующими данными относительно процентного содержания сложных РА промисивов: 33,9 % – 32 % – 31,4 % – 29,5 % – 27,7 % – 27,3 % соответственно. Имеет место тенденция к постепенному снижению простых РА промисивов (в пределах 2 % на каждый век). Достаточной стабильностью отличается также соотношение составных, комплексных и композитных РА в разные эпохи: составные РА промисивы – это около половины всех проанализированных сложных РА, комплексные РА промисивы составляют почти треть всех проанализированных сложных РА, а композитные составляют около одной пятой всех проанализированных сложных РА.

Историческое варьирование прагмасемантических разновидностей речевых актов промисивов: к историческим переменным относятся также

многие аспекты прагмасемантических разновидностей РА промисива [12]: частотность употребления той или иной разновидности, функционирование перформативных глаголов с семантикой обещания и маркеров РА промисива, особенности реализации (локуция).

РА обещания: в данной разновидности РА промисива неизменной остается перформативная формула «*I promise you to do p/smith*», поскольку она обусловлена иллокутивной силой промисивов, т.е. она является инвариантом в данном РА независимо от эпохи.

РА обещания удерживает лидирующую позицию по частоте употребления на протяжении всех пяти веков (XVI-XXI вв.) в английском дискурсе, который является объектом нашего анализа: это 34 % – 33,7 % – 32,8 % – 38,3 % – 41 % – 41,2 % соответственно. РА обещания с XVI по XVIII вв. имеет тенденцию к постепенному снижению частотности употребления в дискурсе (в среднем на 2 %). Однако XVIII в. является своеобразным поворотным моментом для частотности употребления РА обещания, после чего встречается на 4 – 7 % чаще, чем в XVI-XVII вв. Объяснение подобного феномена кроется в экстралингвистических факторах. Постепенное снижение частотности употребления объясняется развитием к XVIII в. особой морали и нравственных стандартов светского общества, где не принято неприкрыто выражать чувства и эмоции, где эталоном поведения как вербального, так и невербального является этикет [1].

При анализе возрастания частотности обещаний в XIX-XXI вв. может показаться, что наша эпоха является этапом наиболее искреннего и дружеского общения, однако это ложный вывод. Во-первых, количество обещаний возрастает за счет введения в дискурс множества клишированных форм, представляющих собой обещание только формально, но не являющихся таковым по своим прагматическим характеристикам. Увеличение количества этикетных обещаний объясняется тем, что современная Великобритания является державой, чье общество живет по принципам неимпозитивности и невмешательства, это непосредственно отражается на коммуникации (подробнее см. работы Дж. Лича, П. Грайса, П. Браун и С. Левинсона). Во-вторых, наряду с увеличением частотности обещаний, ослабляется иллокутивная сила даваемых обещаний.

Приняв общее количество примеров обещаний за единицу (100 %), делаем вывод, что наиболее распространенным за весь анализируемый период является перформативный глагол *promise* (как эксплицитный, так и имплицитный) – 79,8 % выборки (775 фрагментов дискурса). За ним следует *give one's word* – 8,1 % от выборки (77 примеров); *keep one's word* составляет 4,3 % (или 42 примера); *prophesy* встречается в 2,8 % случаев (27 фрагментов дискурса); *bode* составляет 1,5 % (14 примеров); *parole* и *troth* набирают приблизительно по 1 % (по 7-10 примеров на глагол); на долю глаголов *vouchsafe*, *boast* и *bet* приходится примерно по 0,5 % (по 3-5 примеров на глагол).

С точки зрения статусных отношений коммуникантов диахронических изменений не наблюдаем: статус адресанта может быть выше или ниже статуса адресата.

РА уверения: как и в случае с обещанием неизменной остается перформативная формула «*I assure you that*».

РА уверения являются второй по частоте употребления разновидностью РА промисива в английском дискурсе на протяжении пяти веков (XVI-XXI вв.). Процентное соотношение уверений таково: 19,4 % – 22,3 % – 32,2 % – 31 % – 27,61 % – 27,3 % соответственно. Дискурс XVI-XVII вв. характеризуется значительно меньшим количеством уверений, чем XVIII-XX вв. Имеют место большое количество этикетных уверений, являющихся данью вежливости. Налицо ослабление иллокутивной силы произносимых уверений.

По имеющимся у нас данным, в группу уверения входят глаголы *assure*, *affirm*, *insure* и *secure*. Общее количество фрагментов дискурса с прагматической разновидностью уверения составляет 26,5 % или 716 примеров из 2700 примеров нашей выборки. Приняв общее количество примеров уверения за единицу (100 %), делаем вывод, что наиболее распространенным за весь анализируемый период является перформативный глагол *assure* (как эксплицитный, так и имплицитный) – 74,1 % выборки (530 фрагментов дискурса); за ним следует *affirm* – 17,4 % от выборки (125 примеров); *insure* составляет 5,6 % (или 40 примеров); *secure* встречается в 2,9 % случаев (21 фрагмент дискурса).

С точки зрения статусных отношений коммуникантов диахронических изменений не наблюдаем: статус адресанта может быть выше или ниже статуса адресата.

РА клятвы: неизменной остается перформативная формула «*I swear to do p / that*», обусловленная иллокутивной силой промисивов.

РА клятвы по частоте употребления на протяжении пяти веков (XVIII-XXI вв.) в английском дискурсе стоит на ступеньку ниже уверений. Клятву как прагматическую разновидность РА промисива отличают самые осязаемые среди всех разновидностей колебания частотности встречаемости в английском дискурсе XVIII – XX вв.: 23,5 % – 22,9 % – 15,7 % – 13,3 % – 12 % – 12 % соответственно. РА клятвы на протяжении всего периода имеют тенденцию к значительному снижению частотности употребления в дискурсе. Возрастает число косвенно реализованных клятв в течение XVI – XXI вв., что закономерно ослабляет ведущую иллокутивную силу клятвы. Возрастает количество прецедентных клятв, пропорционально уменьшается количество клятв в неинституциональных ситуациях общения. Произнесение клятвы индицирует крайне эмоциональную ситуацию общения.

Приняв общее количество примеров клятв за единицу (100 %), делаем вывод, что наиболее распространенным за весь анализируемый период является перформативный глагол *swear* (как эксплицитный, так и имплицитный) – 63,5 % выборки (299 фрагментов дискурса); за ним следует *take an*

oath – 15,4 % от выборки (73 примера); *vow* составляет 14,7 % (или 69 примеров); *protest* составляет 5,4 % (24 примера); *plight* набирает приблизительно 1 % (7 примеров).

С точки зрения статусных отношений коммуникантов диахронических изменений не наблюдаем: статус адресанта может быть выше или ниже статуса адресата.

РА обязательства: неизменной остается перформативная формула «*I commit myself to do p*».

РА обязательства занимает четвертую позицию по частоте употребления на протяжении всех пяти веков (XVI – XXI вв.) в английском дискурсе: 13,5 % – 11,9 % – 11,5 % – 11,4 % – 15,3 % соответственно. РА обязательства с XVI по XIX вв. имеет тенденцию к постепенному снижению частотности употребления в дискурсе – на 1,6 % к XVII в. и на десятые доли процента с XVII по XIX вв. XX век является своеобразным бумом частотности употребления РА обязательства – 15,3 %, что объяснимо такими экстралингвистическими факторами, как функционирование современного английского дискурса в рамках культуры негативной вежливости. Эталоном современного поведения как вербального, так и невербального является вуалирование эмоций, минимизация вмешательства (подробнее в работах Дж. Лича, П. Грайса, П. Браун и С. Левинсона). Обязательство является наиболее эмоционально нейтральной прагматической разновидностью РА промисива, чем и объясняется его популярность.

Приняв общее количество примеров обязательства за единицу (100 %), делаем вывод, что наиболее распространенным за весь анализируемый период является перформативный глагол *undertake* (как эксплицитный, так и имплицитный) – 62,2 % выборки (213 фрагментов дискурса); за ним с большим отрывом следует *commit oneself* – 26,1 % от выборки (90 примеров); *bind oneself* составляет 5,3 % (или 18 примеров); *obligate* встречается в 4,7 % случаев (16 фрагментов дискурса); *covenant* составляет 1,7 % (6 примеров).

С точки зрения статусных отношений коммуникантов диахронических изменений не наблюдаем: статус адресанта может быть выше или ниже статуса адресата.

РА обета / зарока, РА ручательства / гарантии, РА присяги являются малочисленными прагматическими разновидностями РА промисива. Как и представители описанных выше классов, они имеют те же тенденции к уменьшению прямо реализованных РА, к ослаблению иллокутивной силы и сокращению группы перформативных глаголов с данной семантикой.

Обобщая все вышесказанное, мы приходим к выводу, что РА как подкласс комиссивов [4; 5, с. 271–274; 13] – это лингвистический феномен, неизменно обслуживающий ситуации ежедневного и протокольного общения на протяжении XVI – XXI вв. Однако, сообразно духу исторических эпох, реализация РА промисивов варьируется. Как следствие, имеет место устойчивая тенденция к упрощению РА, сокращению перформативных глаголов и маркеров с семантикой обещания, одновременно возрастает косвенная

реализация РА. Таким образом, локутивный аспект РА обещания претерпевает значительные изменения, являясь исторической переменной данного типа речевых актов, в то время как иллюкутивный аспект хотя и демонстрирует некоторую степень ослабления иллюкутивной силы, но на протяжении всего анали-

зируемого периода остается историческим инвариантом для обещаний.

Перспективой данного исследования является рассмотрение когнитивного аспекта обещаний и выявление гендерных особенностей РА промисивов, что открывает новые горизонты для плодотворной творческой работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown P. Politeness: Some universals in language use / Patricia Brown, Steven Levinson. – London, etc. : CUP, 1987. – 345 p.
2. Yule G. Pragmatics / George Yule. – Oxford University Press, 2000. – 138 p.
3. Богданов В. В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол / В. В. Богданов // Содержательные аспекты предложения и текста: Межвуз. сб. научн. трудов. – Калинин, 1983. – С. 27–38.
4. Богданов В. В. Классификация речевых актов / В. В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения : межвуз. сб. научн. трудов. – Калинин : Калининский гос. ун-т, 1989. – С. 25–37.
5. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. – М. : Высшая школа, 1981. – 285 с.
6. Карабан В. И. Сложные речевые единицы / В. И. Карабан. – К. : Выща школа, 1989. – 131 с.
7. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
8. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – СПб : Алетейя, 2003. – 720 с.
9. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
10. Серль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 151–169.
11. Сусов И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И. П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц : межвуз. сб. научн. трудов. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1984. – С. 3–12.
12. Частникова С. А. Прагмасемантические разновидности речевых актов обещания / Светлана Частникова // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – № 82. – Т. 2. – Симферополь : Межвузовский центр «Крым». – 2006. – С. 217–220.
13. Частникова С. А. Статус речевого акта промисива / Светлана Частникова // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Харків. – 2004. – № 636. – С. 105–108.
14. Шевченко И. С. Историческая динамика прагматики предложения. Английское вопросительное предложение 16-20 в. : [монография] / Ирина Семеновна Шевченко. – Харьков : Константа, 1998. – 168 с.
15. Шевченко И. С. Становление когнитивно-коммуникативной парадигмы в лингвистике / Ирина Семеновна Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Харків. – 2004. – № 635. – С. 202–205.